

ВОСПОМИНАНИЯ АРХИЕПИСКОПА ТИХВИНСКОГО МЕЛИТОНА (СОЛОВЬЕВА) О ДВАДЦАТЫХ ГОДАХ В ПЕНЗЕНСКОЙ ЕПАРХИИ

Архиепископ Тихвинский Мелитон, в миру Михаил Дмитриевич Соловьев, родился 14/27 октября 1897 года в селе Свищевка Чембарского уезда Пензенской губернии. Его детство и юность прошли в селе Никольский Поим того же уезда. Благодаря благочестивой своей матери, молодые годы Михаила прошли под духовным руководством известного в Пензенской губернии старца, иерея Николая Болоховского, что определило его дальнейший жизненный путь.

В 1912 году Михаил окончил общеобразовательную миссионерскую школу в Поиме. Затем в 1916 году – Тамбовское миссионерское училище. В 1918 году Михаил Дмитриевич был мобилизован сначала в Царскую, а затем в Красную армию. В 1921 году Михаил Соловьев становится на духовный путь: 7 декабря его рукополагают в диакона, а 5 февраля 1922 года – в иерея.

Тяжелым и длинным, но интересным и благодатным был земной путь Владыки. Его жизни, без преувеличения, хватило бы на несколько биографий. Мы остановимся на его пензенском периоде (до 1928 года), который Владыка сам изложил в своих мемуарах.

«...Шла Гражданская война. После многих скитаний по военным дорогам, в начале 1919 года я оставлен был на работе в Чембарском уездном военном комиссариате в качестве помощ-

*Архиепископ Тихвинский Мелитон
(Соловьев)*

ника делопроизводителя мобилизационного отдела. В 1920 году я вступил в брак со знакомой девушкой из духовного сословия, студенткой Харьковского института историко-филологического факультета Звездочетовой Верой Михайловной. Весь 1921 год я проработал в военкомате, Гражданская война шла на убыль, началась демобилизация. Демобилизовавшись, 24 ноября 1921 года, в день святой Великомученицы Екатерины, за Божественной литургией в городе Пензе в Боголюбском храме я был рукоположен в сан диакона епископом Борисом (Лентовским) и временно назначен внештатным или сверхштатным диаконом к Соборно-Покровскому храму гор. Чембара (ныне гор. Белинский), а че-

Город Чембар, Никольская площадь

рез два месяца, 23 января 1922 года тем же епископом Борисом рукоположен в сан иерея в Никольском храме города Пензы и опять назначен сверхштатным священником того же собора. Моя хиротония, как во диакона, так и во иерея состоялась тогда, когда об обновленчестве ничего не было слышно, и Епископ Борис был правящим православным епископом Краснослободским, и Святейший Патриарх Тихон еще также возглавлял нашу Русскую Православную Церковь.

Затем, когда открылась вакансия священнического места 11/24 февраля 1922 года, меня назначили настоятелем Михайло-

Архангельской единоверческой церкви в село Белозерки, отстоявшей в 15 километрах от села Поима, где я прослужил до августа 1924 года. Жили мы в глуши, в дружбе со своими собратиями нашего Поимского благочиния и ничего не знали, что творилось в наших верхах церковных. Дело в том, что в этот период времени у нас не было никакой связи ни с Москвой, ни с Ленинградом. Всякие поездки по железным дорогам были запрещены. Ездили только по особым пропускам. Видимо, того требовала обстановка того времени. Каким-то образом в Поим попадает журнал «Живая церковь», в котором сообщается, что Патриарх Тихон устранился от управления Церковью и поручил дело управления какой-то инициативной группе, назвавшей себя Высшим Церковным Управлением, т. е. ВЦУ. Явилось и воззвание Митрополита Сергия (Страгородского), архиепископа Евдокима и, кажется, какого-то архиепископа Серафима, которые и санкционируют это ВЦУ, называя его единственно каноническим, законным управлением, и призывают признать его всех православных христиан. Иерархия были авторитетные. Патриарх устранился. Кого же помянуть за богослужением? И выработали свою формулу. Стали молиться за Святейших Патриархов Восточных: *О святейших вселенских патриарсах православных, о всем причте и людех Господу помолимся.*

К счастью, недолго это продолжалось. Вскоре к нам в Поим из Ярославля приехал Епископ Павел (Волков), назначенный еще Патриархом управляющим всеми единоверческими церквями в стране. Он-то и привез нам послание Святейшего Патриарха Тихона, в котором разъясняется, что год назад, по независимым от него причинам, он был отстранен от управления Церковью, что к нему пришли инициативные священники вроде Красницкого, Калиновского и пр. и просили благословение на управление Церковью, но благословение им не было дано, переданы только синодские канцелярские дела, а они самовольно объявили себя Высшим Церковным Управлением. Таким образом, они обманули верующих и явились узурпаторами и признавать их не следует.

А сейчас же за этим Патриарх назначил нам православного епископа Филиппа (Перова), который и поселился в уездном городе Наровчате. Это было для нас радостью, с ним мы и вошли в каноническое общение. Епископ Филипп перевел меня в православный приход в село Сентяпино в семи километрах от Поима

(Указ № 922 от 30 июля 1924 г.). Село было замечательное, все утопало в вишневых садах, тянулось вдоль опушки соснового бора. В нем я прослужил около четырех лет и в силу создавшихся обстоятельств должен был перейти в Московскую Епархию. (В 20-е годы о. Михаил неоднократно арестовывался, а в августе 1928 года он был арестован в Пензе последний раз и заключен в Губернскую тюрьму. Его обвинили в антисоветской агитации, а точнее за горячие выступления на диспутах с атеистами. По приговору о. Михаила лишили регистрации и выслали за пределы Пензенской губернии при условии невозвращения в свой приход. – С. 3.). В это время Пензенской епархией управлял епископ Кирилл (кажется, Соколов). Не хотелось ему отпускать меня, но все же пришлось это сделать: он дал мне увольнительную грамоту (она и сейчас у меня цела) и в 1928 году я выехал в Москву, куда года два назад, как я уже писал, выехал о. Иоанн Козлов (священник Чембарского уезда, епархиальный миссионер, старший товарищ о. Михаила, впоследствии профессор Московской Духовной Академии. – С. 3.).

В отношении Архиепископа Владимира (Путяты) я должен сказать то, что мне известно о нем. Мне кажется, он назначен на Пензенскую кафедру во время империалистической войны с Германией, вероятно в 1915 году. Я приехал из Тамбова на каникулы и решил устроиться псаломщиком в одном храме и с прошением поехал в Пензу. Тогда Архиепископ Владимир жил еще в большом архиерейском доме и пользовался почетом (как же, князь ведь бывший). Он принял меня, благословил и отослал к викарию Владыке Григорию, который жил за городом в мужском монастыре, так как он ведал назначением псаломщиков. Назначение я получил, но пробыл псаломщиком не более полугода и в 1916 году в июне месяце меня мобилизовали в армию. Отсюда началась моя военная эпопея на длительное время. Известно мне было, что Архиепископ Владимир за свои «проказы» был запрещен в служении и вместо того, чтобы покориться патриаршему указу, образовал раскол, завладел в Пензе храмом Христа Спасителя и начал буйствовать. Я не знаю, совершал ли он единоличные хиротонии, в том числе епископа Иоанникия. О последнем я вообще ничего не знаю. Да и не было меня тогда дома: служил в армии. И только через несколько лет я встретился с ним в Москве. Это было в 1928 году, в год моего приезда туда. В первые дни пребывания моего в Москве я поселился у своего друга,

о. Василия Надеждина, служившего в храме у Соломенной Сторожки (остановка такая). Там был и дом о. Василия. К нему часто приезжали архиереи. На этот раз за чайным столом сидели Владыка Варфоломей – профессор Московской Духовной Академии, викарий епископ Иннокентий Подольский и архиепископ Мелхиседек Красноярский (вызванный на Синод), и вдруг заявляется в рясе без панагии бывший архиепископ Владимир (Путята), который в это время отбывал епитимию и служил псаломщиком в подмосковном селе. Потом слышно было, что его простили и возвратили ему сан. Правда ли это? О «Путятинском брожении» в Пензе существует машинопись, которую написал один из бывших преподавателей Московской духовной семинарии. Я читал ее, и была она у меня, но исчезла.

В двадцатые годы в Пензенской епархии никаких духовных школ и курсов уже не было. Некоторое время преподавали священники в церковных сторожках Закон Божий и, кажется, скоро и это прекратилось. Кандидатов во священники или в диакона подвергали экзаменам опытные и образованные протоиереи по указанию епископа: живы ведь были и бывшие преподаватели духовных школ, которым тоже поручалась эта проверка. Конечно, имели большое значение рекомендации местных благочинных. Ну, а как уж это делалось у обновленцев, сказать не могу.

В епархии в эти годы, конечно, существовали канцелярии при епископах, существовали епархиальные секретари и т. д. В каждом уездном городе при городских соборах были, так называемые, протопопы. Они были настоятелями соборов и имели влияние на прочее духовенство. Они были и главными советниками епископа. Они и составляли, как бы, епархиальный совет. Когда нужно было, архиерей собирал их для всяких совещаний. Двадцатые годы были трудными годами и едва ли возможными были всякие съезды. Изредка епархиальные архиереи или викарные посещали уездные города. Никакой литературы духовной не издавалось в это время. Как епархиальный архиерей, так и викарные жили в Пензе. Только при начале обновленческого движения архиереи жили в уездных городах. В Пензенской области существовали еще некоторые монастыри: Нижнеломовский мужской, Сканский мужской, сравнительно древний. В Пензе были мужской и женский монастыри, Спасский (на пути в Саров). В общем, почти при каждом городе еще существовали монастыри...

Мое служение в Пензенской Епархии протекало в двух приходах: в селе Белозерках с 1922 до половины 1924 года. Приход

был единоверческий, а потом был переведен в православный приход в село Сентяпино, где и служил до половины 1928 года. Частично выше я описывал эти приходы. В этот период еще особых изменений не было. Свободно совершались крестные ходы на источники, на реку, на поля и т. д. Отдельные паломнические группы ходили по монастырям. Ни о каких кружках и воскресных школах, конечно, не могло быть и речи. Я уже писал, что в первые годы преподавался Закон Божий со священниками в церковных сторожках, но очень недолго.

Как произошел обновленческий «переворот» в Пензе? Я совершенно не имею понятия. Как он произошел в Поимском благочинии? Обновленчество началось обманом, и когда Патриарх Тихон обличил узурпаторов ВЦУ, то в провинциях у нас оно и лопнуло, как мыльный пузырь. Объявив себя законной, канонической главой ВЦУ и получив подтверждение этого от авторитетных митрополитов, обновленчество сначала воспрянуло духом, и решено было собрать поместный собор. На собор от каждого благочиния было послано по делегату. Все надеялись, что собор продлится долго, и будет решать серьезные вопросы церковной жизни. И вдруг делегат через неделю возвращается. Спрашивают: почему так скоро кончился собор и что решил? Делегат с улыбочкой сказал: решили ввести белый епископат, разрешили вдовым священникам и диаконам жениться на девицах и разведенных. В общем, приложили беззаконие к беззаконию. Кажется, даже разрешили свободно снимать монашеские обеты и т. д. Конечно, кроме отрицательного последствия, другого от всего этого ожидать было невозможно. Это окончательно уничтожило к ним всякое доверие. Все поняли, что это «сластолюбцы», а не пастыри. Верующие люди боялись даже ходить в те храмы, где они служили. Еще в губернских городах они имели один-два храма, а из прочих их изгоняли, не говоря уже о провинциальных храмах. Даже и в Москве у них были Храм Христа Спасителя, Пименовский храм, (больше не знаю). Так называемый митрополит Александр Введенский служил в Храме Христа Спасителя, и если туда приходили люди, то не для молитвы, а чтобы послушать его философские речи, в которых он был большой мастер.

Вы спрашиваете, какая часть приходов ушла в обновленчество? Никто никуда не уходил. Все были ошеломлены обманом, и как только по освобождению Патриарха Тихона был назначен в Наровчат епископ Филипп, так сразу с ним все вошли в каноническое общение. Я помню, на моем прошении он написал резолю-

цию: «Священник Михаил Соловьев находится со мной в каноническом общении». Вот и весь прием был такой и все батюшки, и все приходы стали молиться за него и только. Так было в далекой провинции нашей. Мы по-настоящему даже и не знали, куда же девался наш архиерей Борис Лентовский? Ведь он был старый и болезненный старец, и добрейший человек. Думали, что он ушел на покой. А потом мы уж узнали, что и он признал обновленцев, услышали и реплику от Святейшего по поводу его ухода: «А этот-то старый ... куда потянулся. Ведь знаю я его и не могу поверить в его искренность». И, правда, вскоре он заболел, пригласил православного священника, исповедался и причастился Св. Таин и в мире скончался. Их было два брата, протоиереи пензенские: Борис – епископ и Николай Лентовские. Николай был законоучителем Пензенского епархиального училища и очень строгий: боялись его епархиалки, а Борис (в мире Владимир) наоборот, был очень мягкий и добрый человек, и вот что с ним произошло. Ну, благодарение Богу, что он возвратился в православие. Никаких особых чинопоемов я не видел и не знаю. Как все были на своих местах, там и оставались. Об этом я писал. Слышал я, где-то на Украине, переходящих из обновленчества чуть ли не окропляли св. водой и присоединяли к православию. Активных священников, переходящих из обновления, епископы заставляли принести всенародное покаяние. Между прочим, и сам митрополит Сергей был принят Патриархом Тихоном в Донском монастыре через такое покаяние. Но это были случаи исключительные. Вообще-то мало было активных служителей подобного рода. Диспуты с обновленцами у нас в Пензенской епархии не велись, а с духовенством Пензы я мало общался и фактически не знаю ярких представителей этого движения.

С обновленцами у нас в епархии никаких диспутов не велось, скорее, ругались с этими малочисленными отщепенцами. Их не любили как обманщиков. Приблизительно в 1923 году были разрешены диспуты с неверующими. Ведь как рассуждали тогда: «Что такое попы? Ведь это народ темный, суеверный и стоит нам в диспутах «раскрыть» их невежество, так и религии конец». Надо, конечно, сказать, что батюшки наши не были уж такими «темными», как представлялось их противникам. Учились, ведь, они в духовных школах, семинариях, изучали богословие, философию, языки и пр., и пр., что полагалось изучать в средних школах. Фактически надо было учиться 13 лет до получения дип-

лома семинарии (с учетом начальной школы, духовного училища и семинарии). Но жизнь заедала их: хозяйство, семья, земля и т. д. Некогда им было заниматься прочими науками. И они, несомненно, мало были подготовлены в борьбе с атеистами. Иное дело было со священниками миссионерами. Как-то летом 1923 года я отслужил в своей Белозерской церкви литургию (было воскресенье) и вижу, у моего домика тарантас стоит, запряженный лошадкой. Вхожу, подают письмо, в котором соседний священник со ст. Башмаково просит, чтобы я приехал договориться с прибывшими из Пензы людьми. Приезжаю, вхожу. Сидят в столовой семь человек из губкома и говорят мне: «Не согласитесь ли вы провести диспуты на темы: Мироздание, О религии вообще и о христианской религии. На каждый диспут давалась двухнедельная подготовка. Я согласился и подписал договор. О диспутах оповещено было всем через местные газеты и всякие плакаты.

В один из воскресных дней на Башмаково прибыло много людей всех наций, религий: защита Бытия Божия – для всех интересная тема. Ни одно здание не могло вместить такое количество приехавших: избрали новый вокзал, помещение третьего класса. Построили эстраду, кафедру посередине, с одной стороны места для атеистов, с другой – для священников. Условились говорить по полтора часа. В 12 часов начался диспут. Сначала говорил председатель диспута (некто Лукренин). Откровенно говоря, начал он не по существу; говорил об эволюции, показывал плакаты, как она совершалась... Они стремились меня распропагандировать, но сами ничего не понимали. Когда мне нужно было рассказать о происхождении Солнечной системы как части мироздания, я излагал теорию Канта-Лапласа в переработке французского астронома. Они, конечно, не знали системы Канта-Лапласа и с открытыми ртами слушали меня. Они даже отказались продолжать диспут и уехали. Им это просто оказалось очень невыгодным, так как диспуты превращались в религиозную агитацию.

В Московской епархии я служил в Можайском уезде в селе Ильинском на реке Бодне, впадающей в Москва-реку, в шести километрах от Можайска. Ильинское на Бодне стали называть в отличие от другого Ильинского, которое стояло и стоит сейчас на другом берегу от Можайска в одном километре. Здесь храм существует и до сего времени. Мой же храм находился в бывшем имении помещиков Варженевских. Он и стоял при впадении реки Бодня. Храм был в прекрасном парке и еще окружен лесом, от

поселка Ильинского в 1 км. Все прочие деревни отстояли от храма на 1–2 километра. В природном отношении это было чудесное место. Храм стоял на площадке, на берегу Москва-реки, метров на 60 высоты от уровня реки, а река Бодня протекала по лугу в полукилометре от храма. В этом храме я прослужил от 1928 года до начала 1934 года. Потом храм закрыли и создали там санаторий на базе бывшего барского «дворянского гнезда». А затем храм был снесен, а я в это время находился на гражданских работах. А в 1941 году началась Великая Отечественная война, и я был вскоре мобилизован. После войны – педработа и в 1953 году – отъезд в Ленинград на пастырское служение...»*.

В начале 60-х гг. о. Михаил был возведен в сан протоиерея, а в 1970 г. – в иеромонаха с именем Мелитон. В том же году состоялась хиротония иеромонаха Мелитона во епископа Тихвинского, викария Ленинградской епархии. Владыка исполнял должность ректора Ленинградской Духовной Академии, был духовником Ленинградской митрополии. В 1980 году за усердные пастырские труды он был возведен в сан архиепископа. 4 ноября 1986 года, после 65-летнего служения в священном сане последовала блаженная кончина бессменного труженика на ниве Христовой.